

ренную связь, свою собственную необходимость. Но соединены ли эти *особенные* истины какою-нибудь высшею связью? Есть ли в них *всеобщее единство*? Было время, когда каждая из таких *особенностей* становилась исключительным и почти единственным предметом изучения, так что ученый, занимавшийся одною из них, не хотел и не считал себя обязанным знать о других; это раздробление единой и нераздельной истины на особенные, друг для друга внешние и друг к другу равнодушные участки было непосредственным результатом *эмпиризма*, основанного в конце XVI века английским лордом *Бэконом*, бароном веруламским; оно было необходимо для полной и точной разработки обширного поля действительности естественного и духовного мира, бесконечное многообразие его должно было раздробиться на особенные и ограниченные части для того, чтобы сделаться доступным подробному исследованию, и в XVII веке образовалось множество особенных, друг от друга совершенно не зависимых ученых направлений: одни, ограничиваясь исследованием природы, не вмешивались в область духовной жизни, другие же, напротив, избрав область духа, не имели понятия о природе; мало того, как будто не доверяя силам своим, ученые XVII и большей половины XVIII века старались по возможности раздробить и эти две огромные половины действительного мира; иной предавался исключительному изучению римского права, не подозревая того, что право какого бы то ни было народа понятно только из его истории и что история особенного народа получает жизнь и смысл только в связи своей с историей целого человечества; таким образом раздробление доходило до невероятной крайности. С одной стороны, оно было весьма полезно, но с другой – оно совершенно разрушило живую связь, соединяющую знание с жизнью, и породило множество странных, ограниченных, педантических и мертвых ученых, чуждых всему прекрасному и высокому в жизни, недоступных для всеобщих и бесконечных интересов духа, слепых и глухих в отношении к потребностям и к движению настоящего времени, влюбленных в мертвую букву, в безжизненные подробности своей специальной науки. И до сих пор еще встречаем математиков, зарытых в своих формулах и не подозревающих, что за этими формулами кипит прекрасная, полная глубокого, бесконечного содержания жизнь¹; и теперь еще встречаем медиков, которые не имеют понятия о том, что есть жизнь и развитие духа, независимые от законов органической жизни. Но в наше время такие явления – анахронизмы; наше время, в противоположность прошедшему веку, стремится ко всеобщему, живому знанию; оно, слава богу, поняло, что только живое знание истинно и действительно, что жизнь есть тот необъятный, вечно бьющий родник, который дает ему бесконечное, единственно достойное его содержание; оно поняло, наконец, что *буква мертва* и что *только единый дух живет*, а создало вместе, что этого живого и животворящего духа должно искать не в мелких и разрозненных частностях, но во *всеобщем*, осуществляющемся в них, и что все различные отрасли знания составляют одно величественное и органическое целое, оживленное всеобщим единством, точно так же как все различные области действительного мира суть не более как различные гармонически устроенные проявления *единой, всеобщей и вечной истины*. Всеобщее было всегда единственным предметом философии, и это – одно из высоких преимуществ и заслуг ее; она всегда искала мысли, значения действительного мира; мысль же по существу своему есть всеобщее; стараться понять какое-нибудь явление и искать в нем всеобщего – одно и то же. Но до появления так называемой эмпирической философии это стремление было отвлеченно; оно ограничивалось только отвлеченным понятием, отвлеченным всеобщим, отвлекалось от его *действительности*, а потому и не обнимало всей конкретной и целостной истины, которая состоит в их неразрывном единстве. Всеобщее имеет реальное осуществление: оно осуществляется как действительный естественный и духовный мир; это – существенный и необходимый момент его вечной жизни, и великая заслуга *эмпиризма* состоит в том, что он обратил внимание мыслящего духа на действительность всеобщего, на конечный момент бесконечного, на разнообразие естественной и духовной жизни; он впал и по существенному характеру своему должен был необходимо впасть в другую крайность: за разнообразием конечного многообразия действительного мира он потерял из вида единство бесконечного... Но никакая ложь не может удержаться во всемогущей диалектике исторического развития духа, и потому что заблуждение исчезло, и нашему веку было предоставлено понять неразрывное и разумное единство всеобщего и особенного, бесконечного и конечного, единого и многообразного. Вследствие этого под словом «истина» мы будем уже разуметь *абсолютную, т. е. единую, необходи-*

¹ Гете говорит, что всякий, имеющий календарь, никогда не позабудет великих заслуг математиков; но что математики, в свою очередь, не должны также забывать, что они все имеют, кроме двух вещей: любви и духа Goethe. *Maximen und Reflexionen*. Weimar; Stuttgart, 1949. Af. 1254.